

Кальдерон через призму немецких романтиков: восприятие в России

Рачинская Мария Станиславовна

студентка

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: mraczynska@yandex.ru

История русско–испанских литературных отношений XIX в. освещена весьма отрывочно. Отношения эти, между тем, весьма сложны и очень интересны. Географическая удаленность, низкий уровень знакомства с испанской культурой, – все это затрудняло возможность рецепции испанских литературных традиций или, тем более, взаимовлияния двух литератур. Не пользовались популярностью поездки в Испанию; не было, самое главное, знатоков испанского языка, что и вовсе делало невозможным свободное овладение этим материалом. Не имея возможности знакомиться с текстами в подлиннике, русское читающее общество было вынуждено прибегать к разнообразным посредникам. Для знакомства с испанской литературной традицией широко использовались разнообразные пособия по истории европейской литературы французских и немецких авторов.

Известно, что немецкие романтики ставили Кальдерона чрезвычайно высоко; его они превозносили, тогда как о Лопе де Веге, его предшественнике, отзывались довольно пренебрежительно. А.-В. Шлегель подробно разбирает творчество Кальдерона в своих лекциях «О драматическом искусстве и литературе»; ему же принадлежит перевод пяти его пьес на немецкий. Не менее высоко оценивали испанского драматурга Ф. Шлегель, Л. Тик и др. Их усилиями был создан настоящий романтический культ Кальдерона, который скептически настроенный Н.И. Балашов называет «черным мифом». Романтики ценили и композицию произведений Кальдерона, и способы изображения характеров, но, прежде всего, – идейную составляющую его драм, которую трактовали на свой манер. В их истолковании наш драматург, автор барочных произведений с их запутанной концепцией, сложной метафорикой и культизмом, становился прежде всего певцом нации с героическим рыцарским прошлым, и, главное, ревностным католиком. Все произведения Кальдерона воспринимались как бы через призму «Стойкого принца».

Авторитет немецких романтиков в России XIX в. был весьма велик. Вне всяких сомнений, образованное общество знакомилось с их художественными произведениями и трактатами в оригинале. Неудивительно, что передовые московские журналы копируют систему воззрений и эстетических критериев немецких романтиков, когда пишут об испанской литературе. Так, желая обзорно познакомить с ней российского читателя, «Московский Вестник» публикует на своих страницах перевод из А.-В. Шлегеля. А пьесы Кальдерона переводятся с немецких текстов-посредников.

Даже начинающееся потом повышение интереса к французскому романтизму, весьма отличного от немецкого по своему характеру, не изменяет уже сложившегося мнения об испанской драматургии. Ни на что не смогла повлиять статья П. Катенина «О поэзии испанской и португальской» (1830), в которой русский поэт и переводчик ведет наступление на Кальдерона – в пользу Лопе. Пьесы Кальдерона продолжают ставиться на сцене и переводиться.

В 1843 и в 1860 гг. появляются два собрания сочинений Кальдерона, в переводе К. Тимковского и С. Костарева соответственно. Эти переводы выполнены под заметным влиянием идеологии немецких романтиков. Даже в 1884 г., когда уровень знаний об испанской культуре и литературе значительно выше, чем в начале века, в предисловии к собранию пьес Кальдерона В. Чуйко вместо разбора творчества драматурга помещается отрывок из статьи о нем А.-В. Шлегеля.

Большой интерес представляет анализ искажений, допущенных переводчиками произведений Кальдерона – К. Тимковским, С. Костаревым и неизвестным переводчиком в издании В. Чуйко. Характер этих искажений позволяет нам увидеть в них некоторую системность, несущую на себе явный отпечаток идеологии немецких романтиков.